УДК 124.5

МЕЖДУ ГОРНИМ И ДОЛЬНИМ МИРАМИ: ГДЕ ЖЕ ПОДЛИННОЕ МЕСТО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА?

Лукин Анатолий Николаевич,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, доцент кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы, кандидат культурологии, доцент, г. Челябинск, Россия.
E-mail: anlukin@mail.ru

Аннотация
В статье рассматриваются функции сакрального ядра в культуре, а также противоречие между интенцией сознания человека на высшие, до конца недостижимые, ценности запредельного характера и необходимостью жить в мире повседневности, далеком от духовных идеалов.

Ключевые понятия:
интенция сознания, сакральное ядро культуры, профанное, трансцендентные ценности.

Обращаясь в данной статье к проблематике, которая всегда находилась в эпицентре философской рефлексии, мы сделали акцент на функциональном аспекте сакрального ядра культуры для человека и общества. Было бы неверно считать, что сакральное представлено только в культуре традиционного общества. Оно продолжает существовать и в модернизированном социуме, будучи укоренённым в коллективном бессознательном. К тому же некоторые теоретики (например, Э. Дюркгейм) считают, что некоторыми признаками сакрального обладают и ценности, воспроизводимые общественной идеологией. Тем более, интерес к сакральным ценностям культуры возрастает в российском обществе, где наблюдается едва ли не Ренессанс православной культуры. Одни это рассматривают как условие нового расцвета российской духовности, другие бьют тревогу по поводу сползания нашего общества к традиционализму, способному законсервировать социум, стать препятствием на пути прогресса.

Культуру трудно однозначно определить. Многочисленные исследователи, делая акцент на разных гранях её сущности, определяли культуру то как способы (внебиологические программы) и результаты человеческой деятельности, то как информацию, передаваемую внебиологическим путём следующим поколениям людей, и сами способы её передачи. Интересную характеристику культуре даёт И.Г. Яковенко, по мнению которого «культура структурируется некоторыми принципами и механизмами смыслообразования и самих продуктов смыслогенеза. Принципы смыслообразования и результаты этого процесса (идеальные и овеществленные) составляют пространство культуры» [6, с. 11]. Согласившись с этим высказыванием, подчеркнём, что культура – это сложноорганизованная система кодов, которая предписывает человеку определенное поведение с присущими при этом психическим напряжением, переживаниями и мыслями.

Человек одновременно пребывает в астрономическом и культурном хронотопе, между которыми нет прямого соответствия. Пространство и время культуры – это формы координации человеческого бытия, которые организуют его и обусловлены:

а) масштабом, характером и интенсивностью предметной и духовной деятельности человека;

б) способами и средствами получения, обработки и воспроизводства внегенетически передаваемой информации (в данном случае мы концентрируем внимание на том, что культура может быть рассмотрена как совокупный социальный опыт);

в) содержанием и иерархией смыслов, ценностей и норм культуры [2].

Культурное ядро – это тот концепт, который позволяет понять механизм координации человеческого бытия – это те ценности, смыслы, принципы и нормы, которые обусловливают специфику человеческого отношения к миру и самому себе. Это уход от рационального утилитарного отношения к миру в сферу духовно-нравственного его освоения. Высокая значимость для социума культурного ядра привела к его сакрализации. По мнению Э. Дюркгейма, сакральное обладает важнейшим атрибутом – неприкосновенностью, отделенностью от мира повседневности, некритическим восприятием. Запретность, табуированность святого – это коллективное установление. Далее французский мыслитель делает вывод о том, что сакральное по своей сути социально: общественные группы придают своим высшим социальным и моральным побуждениям облик священных образов, символов, добиваясь тем самым от индивида категорического подчинения коллективным требованиям. Бог, по Дюркгейму, не что иное, как персонифицированный социум. При этом сакральное трактуется шире религиозного, так как оно может иметь основание не только в религии, но и в идеологии. Однако онтологизация сакральных ценностей посредством религии получается куда как успешнее. Для глубоко верующего христианина жертвенная любовь Христа – абсолютный идеал, пусть и почти недостижимый в собственной практике, но непререкаемый. Толерантность же, как одна из базовых европейских ценностей, не может иметь столь же глубокие корни в психике человека «расколдованного мира» (термин М. Вебера). Поддерживаемые идеологически идеалы коммунизма притягивали к себе массовое сознание в нашей стране каких-то семьдесят лет, а православные ценности преодолели эпоху гонений и продолжили свою многовековую историю. В любом случае, без наделения высоким онтологическим статусом сакральное не может успешно выполнять свои функции – ориентировать поведение человека на интересы социума.

В истории философии есть и другие, отличные от Э. Дюркгейма, взгляды на природу сакрального. Так, немецкий философ Р. Отто исходит из априорности категории «сакральное». Она формируется при приоритете иррациональных начал познания над рациональными. Этот мыслитель убеждён в том, что человеку присуща особая настроенность духа, априорный источник святого. Отто ситает природу сакрального – «нуминозной». Нуминозное – это то, что вызывает в человеке чувство грешности, тварности, ужаса, благоговения, восхищения, любви: Трансценденция, Иное, Бог. Р. Отто обосновывает отказ от редукции категории святого (и религии в целом) к каким бы то ни было социальным, рациональным или этическим началам. По Отто, рационализация и этизация категории святого – плод позднейших приращений к сакральному ядру, а сакральная ценность – первоисток всех иных объективных ценностей.

В центре внимания М. Элиаде стоит иерофания – обнаружение священного в профанной, мирской, сфере. По М. Элиаде, неоднородность пространства культуры в восприятии людей, их убежденность в том, что они занимают священные земли объясняет ту решительность, с которой защищается это место от посягательства извне. Защищается не просто территория, а легендарные, овеянные славой святыни, которые обеспечивают стабильность культурного космоса.

Психологизация категории сакрального, укоренение ее оснований в иррациональных пластах духовной жизни – характерная черта феноменологии религии, которая исходит из того, что в акте религиозного опыта или в событии иерофании дает знать о себе некая трансцендентная реальность, которая выступает объективно сущей субстанцией святого.

В учении З.Фрейда и в психоаналитическом религиеведении (Г.Рохайм и др.) категория святого не имеет иных оснований, кроме психологических. Святое в своем происхождении и бытии есть для Фрейда «нечто такое, к чему нельзя притрагиваться», священные образы олицетворяют прежде всего запрет, изначально – запрет инцеста [4].

Отличные друг от друга культурные парадигмы принципиально по-разному

организуют человеческое бытие. Об этом мы интуитивно догадываемся, попадая в незнакомую культурную среду. Наше поведение в ней раскоординировано, так как мы не можем определить нужные ориентиры, которые естественны для носителей этой культуры. Культурное пространство и время, будучи способами опосредования персонального и коллективного бытия, индивидуального и общественного сознания, являются реальными факторами, формирующими жизнь общества и индивида посредством санкционирующего и мобилизующего (или, напротив, табуирующего) воздействия культурной среды на сознание людей. Посредством этих координат задается система ожиданий и программируется поведение масс.

Однако поведение людей обусловлено многими условиями – от необходимости удовлетворять элементарные физиологические потребности и обеспечивать собственную безопасность до ориентации на высшие идеалы и ценности. Кроме того, личность формируется не только под влиянием магистральной культуры, но и субкультуры, а также генетических особенностей индивида, географической и социальной среды, обусловливающих всё новые вызовы, на которые требуется дать ответ. В различных ситуациях требуется актуализировать разные программы поведения. Для вождения автомобиля, приготовления обеда или уборки квартиры экзистенциальное самоопределение личности не вполне уместно, чаще всего даже контрпродуктивно. Выходит, метапрограммы сакрального ядра культуры не должны запускаться постоянно. Мир повседневности требует рационально-практического, утилитарного действия. Именно тут удовлетворяются базовые потребности человека, обеспечивающие его физическое существование. Ограниченность ресурсов и материальных ценностей, притязание на них других членов социума, биологическая природа человека требуют от личности конкурентного типа отношений, навязывания своей воли окружающим, борьбы за высокий статус, подавления сопротивления этому окружающих. Но неограниченная никакими рамками борьба неминуемо приводит к хаотизации социальных отношений, разрушению общественного целого. Этому препятствует сакральное ядро культуры. Интенция человеческого сознания на высшие идеалы и ценности выводит человека за пределы собственного «Я», задает новое измерение его жизни. Если дольний мир повседневности предполагает рационально-утилитарное отношение человека к миру, то горний мир, в котором «обитают» высшие смыслы и ценности, требует к себе иррационального, эмоционально насыщенного отклика. Настраиваясь на него, человеческая психика должна переключиться с одного режима на другой. Порой этому переходу помогает физическое перемещение человека. Так, древние афиняне, посещая акрополь, поднимались к расположенным в верхней части города храмам и одновременно пытались перейти из хронотопа повседневности в некое сакральное пространство, т.е. они осуществляли одновременно и духовное восхождение.

Однако можно отыскать немало примеров, когда человеку не нужно было осуществлять географическое перемещение, чтобы изменилась форма координации его бытия. Так, согласно буддистским представлениям, легендарный Будда, медитируя 28 дней под древом познания, коренным образом переориентировал свою жизнь. То же самое, по христианским канонам, произошло с каждым из апостолов после их встречи с Иисусом. Любая переоценка фундаментальных человеческих ценностей меняет характеристики соответствующего культурного пространства [2].

Мир горний и мир дольний предполагают друг друга и значительно усложняют бытие человека. Сакральное наделяется в общественном сознании высшим статусом, оно трансцендентно по отношению к дольнему миру, тут сконцентрированы вся полнота блага, истины, гармонии, жертвенной любви, которые обретают форму идеала, образца, предельной нормы.

Согласно Новой философской энциклопедии «сакральное, священное, святое (лат. sacer) – мировоззренческая категория, обозначающая свойство, обладание которым ставит объект в положение исключительной значимости, непреходящей ценности и на этом основании требует благоговейного к нему отношения. Представления о сакральном включают важнейшие характеристики сущего: онтологически оно отлично от обыденного бытия и относится к высшему уровню реальности; гносеологически – заключает истинное знание, в сути

своей непостижимое; феноменологически сакральное – дивное, поразительное; аксиологически – абсолютное, императивное, глубоко чтимое» [4].

Обитая телесно в мире дольнем, конкретному человеку практически невозможно достичь состояния идеала и тем более недостижимым представляется выстраивание всей системы социальных отношений по этому образцу. Однако интенция сознания на сакральные ценности, не обеспечивая создания рая на земле, призвана не допустить появление ада, предотвратить хаотизацию социума, его деградацию и распад.

Природа сакрального ядра культуры надреальна, она вступает в конфликт с биологической сущностью человека и потому для подавляющего большинства членов социума идеалы сакрального окончательно недостижимы. Чтобы быть успешным в дольнем мире нужно проявлять другие качества. И это необходимо для воспроизводства социума. Монашеская жизнь ближе к духовному идеалу, но если бы все стали монахами, то человеческий род бы перестал существовать. С другой стороны, природные инстинкты, овладевая человеком окончательно, превращают его в разрушительную для общества силу. Есть потребность в ограничении власти этих инстинктов. Что не означает их полного уничтожения. Впрочем, сделать это было бы крайне сложно, так как они в природе самого человека и прорываются наружу через импульсы бессознательного, где доминируют, по Фрейду, Эрос и Танатос, которые могли бы превратить человека в зверя при отсутствии культурных ограничений.

Как же можно соблюсти меру, ограничив действие природных инстинктов, но не настолько, чтобы сделать человека непригодным к бытию в мире повседневности? Выход – в уступке человеческой природе, в признании того, что достижение духовного идеала возможно только в эсхатологической перспективе. В земной же жизни важен сам факт борьбы со страстями. Что, например, проявляется в таинстве исповеди у христиан, в ходе которого снимается психологическое напряжение от переживания собственного несоответствия христианским идеалам жизни. После этого раскаявшийся грешник возвращается в дольний мир и вновь грешит, сохраняя надежду на то, что, даже не достигнув совершенства, но стремясь и хоть в какой-то мере приближаясь к нему, он может надеяться на помощь Свыше, и за порогом земной жизни произойдёт «обожение» его сущности. Без этой помощи Абсолюта пороки победить до конца невозможно. Но и без устремленности к идеалу такой помощи не будет. При этом само стремление к идеалу и осознание своего несовершенства важнее нынешнего состояния человека. Эта идея отражается в библейской истории об искренне раскаявшемся на кресте разбойнике, который тут же за это был удостоен пропуска в Царство Небесное – идеальный горний мир. Впрочем, эта мысль повторяется в священном тексте много раз – в притче о возвращении блудного сына, прощении блудницы и т.д.

Тем не менее, от осознания того, что в земной жизни достичь божественного совершенства невозможно, человек вынужден жить в онтологически несовершенном мире, испытывать психологическое напряжение от ощущения своей ущербности, ограниченности. Погруженный в мир сущего, он удаляется от идеала, по причине того, что дольний мир расставляет по-иному смысловые акценты. «Если должное дано человеку в культуре, то сущее в опыте. Сущее – это та самая реальность, в которой живёт человек» [6, с. 126]. Сущее в данном контексте есть многообразные проявления бытия, а бытие понимается как эмпирическая реальность.

Хотя ценности сакрального ядра культуры воспринимаются как более важные, по И.Г. Яковенко, «у сущего допускаются какие-то свои законы, действующие в актуальной реальности. Но они оцениваются как профанные, не заслуживающие серьёзного интереса. Ибо последние, во-первых, преходящи и сгинут в акте торжества должного, во-вторых, они противоречат должному. Это законы греховного, пронизанного человеческими слабостями мира» [6, с. 127].

Таким образом, отклонение от идеалов сакрального ядра в дольнем мире неизбежно, но оно вызывает психологическое напряжение. Если отклонение нарастает, то такое напряжение тоже увеличивается, возникает ощущение приближения эсхатологического финала, который нужно встретить хоть в какой-то степени более совершенным. Личность в большей степени при этом готова жертвовать благами дольнего мира, на пороге прорыва в

мир горний. Так включается культурный механизм саморегуляции социума. Кроме того, через таинства, обряд, произведения искусства человек корректирует своё поведение в сторону идеала. В ходе религиозного обряда, ритуала, таинства и т.д. его участники проникают в священное пространство и время. Этот духовный переход, связанный с эмоциональным всплеском, мощным духовным переживанием – способ поддержания высокой степени иерархичности культурного пространства. Сакральное восстанавливает в сознании людей свой высший статус. Таким образом, в обществе обеспечивается приемлемый уровень нравственности, хотя и большинство его членов не достигают нравственного совершенства.

Отдельно стоит подчеркнуть роль искусства в поддержании высокого статуса сакральных ценностей. Переживание противоречия между ценностями горнего мира и нормами дольнего мира держит в психологическом напряжении читателей произведений Ф. М. Достоевского, зрителей фильма «Остров» П. Лунгина и т.д. Финалом приобщения к таким произведениям должен стать катарсис, очищение человеческой души от скверны, конечно, не полное и не окончательное. Мир повседневности снова затягивает человека своими заботами и вызовами, удаляя от идеала. Но через какое-то время, по мнению К. Ясперса, он снова будет стремиться раскодировать «шифры трансценденции» (термин К. Ясперса), каковыми являются великие произведения искусства, и которые помогут ему при сильном психическом напряжении постичь интуитивным озарением свою экзистенцию, приблизившись к совершенству. Так снова и снова, соскальзывая вниз в рутину повседневности и удаляясь от горнего мира, человек потом вновь устремляется ввысь к недостижимому в земной жизни духовному идеалу, стряхивая с себя часть грязи, прилепившейся к его душе.

Представленная нами модель соотношения сакрального и профанного в культуре присуща далеко не всем культурным типам. Собственно об этом писал П. Сорокин, для которого история человеческого общества – это постоянное чередование трёх основных типов культуры – идеационального, идеалистического и чувственного. В основе идеационального типа культуры, по П. Сорокину, лежит убеждение в доминировании «сверхчувственной реальности». Земная жизнь человека не имеет самостоятельной ценности и осмысливается лишь посредством соотнесения со сверхчувственной сферой бытия. Чувственный тип культуры базируется на убеждении, что «объективная реальность и ее смысл чувственны». Земное бытие обладает ценностью само по себе. Представления о сверхчувственной реальности теряют свою убедительность. Такой тип культуры, по убеждению мыслителя, господствовал в Европе с XVI по XX век, причем в XX веке, по мнению Сорокина, этот тип культуры переживает глубокий кризис. Кризис культуры выражается, в частности, в социальных потрясениях – войнах и революциях, создании диктаторских режимов и т.д. Истоки кризиса как раз в утрате идеала, в сползании к чрезмерному гедонизму и утилитаризму, нарастании эгоизма и т.д. Идеалистический тип культуры, по П. Сорокину, базируется на признании равной значимости сверхчувственного и чувственного аспектов реальности. Этот тип культуры является переходным.

Таким образом, сакральные ценности содержат в себе примеры и образцы идеального поведения в социуме и служат основой духовно-нравственного регулирования поведения человека, но для успеха в мире дольнем требуются отличные и даже противоречащие идеальным установкам качества. Которые, в свою очередь, при их абсолютизации, могут привести к разрыву социальных связей, хаотизации социума. Интенция массового сознания на недостижимые, по своей сути, идеальные ценности, тем не менее, обеспечивает приемлемый уровень нравственности в обществе. При этом человек оказывается в постоянном психическом напряжении от ощущения своего несоответствия ценностям идеального мира и необходимости обеспечивать своё успешное существование в мире повседневности. Большинство членов такого социума то устремляются к сияющим, но неприступным вершинам горнего мира, то увязают в трясине мира дольнего, который возвращает их к насущным проблемам. Кто-то успокаивается и оставляет бесплодные попытки воспарить к сакральным высотам и полностью сосредоточивается на обустройстве своего бытия в профанном мире, но многие вновь и вновь прилагают усилия для того, чтобы приблизится к идеалу, чтобы достичь его,

если не в земной жизни, так хоть в эсхатологической перспективе. Такова драма жизни человека, погруженного в культуру с развитым сакральным ядром.

1. Липкин, А.И. «Духовное ядро» цивилизационной общности [Текст] / А.И. Липкин // Синтез цивилизации и культуры. Международный альманах. Вып.2. (ИНИОН РАН, Институт Европы РАН, Центр межцивилизационных исследований) М., 2004. С. 310–340.

2. Лукин, А.Н. Хронотоп культуры [Текст] / А.Н. Лукин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 4 (20). С. 38–45.

3. *Мангейм, К.* Идеология и утопия: диагноз нашего времени [Текст] / К. Мангейм. М.: Юрист, 1994. 704 с.

4. Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. Фонд. М.: Мысль, 2010. URL: http://iph.ras.ru/enc.htm (дата обращения: 07.04.2016).

5. Элиаде, М. Священное и мирское [Текст] / М. Элиаде. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. 144 с.

6. Яковенко, И.Г. Познание России [Текст] / И.Г. Яковенко. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. 671 с.

References

1. Lipkin A.I. (2004) *Sintez tsivilizatsii i kultury. Mezhdunarodnyy almanakh*, vyp.2 (INION RAN, Institut Yevropy RAN, Tsentr mezhtsivilizatsionnykh issledovaniy). Moscow, pp. 310–340 [in Rus].

2. Lukin A.N. (2009) *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kultury i iskusstv*, no. 4 (20), pp. 38–45 [in Rus].

3. Mangeym K. (1994) Ideologiya i utopiya: Diagnoz nashego vremeni. Moscow, Yurist, 704 p. [in Rus].

4. Novaya Filosofskaya entsiklopediya (2010): v 4 t. In-t filosofii RAN; Nats. obshchestv.-nauch. Fond. Moscow, Mysl, available at: http://iph.ras.ru/enc.htm (accessed 07.04.2016) [in Rus].

5. Eliade M. (1994) Svyashchennoye i mirskoye. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta, 144 p. [in Rus].

6. Yakovenko I.G. (2012) Poznaniye Rossii. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 671 p. [in Rus].

UDC 124.5

BETWEEN HIGH (SPIRITUAL) AND LOW (MATERIAL) WORLDS: WHERE IS THE REAL PLACE FOR HUMAN EXISTENCE?

Lukin Anatoly Nikolaevich,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Admiistration,
Chelyabinsk branch,
Associate Professor of the Department Chair of Public Administration, Legal Groundwork for State and Municipal Service,
Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: anlukin@mail.ru

Annotation
The article considers functions of sacral core in culture and also the contradiction between the intention of human consciousness to reach high unachievable values lying beyond the bounds and the necessity to live in the world of reality far from spiritual ideals.

Key concepts:
intention of consciousness,
sacral core of culture,
secular,
transcendental values.